

В. Ф. Марцинковский

Записки верующего

**Из истории религиозного
движения в Советской России
(1917-1923)**

Москва
«Книга по Требованию»

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В Боге восхваляю я слово Его.

Пс. 55. 11.

Во время великой русской революции, когда разгорелась борьба против религии в России, я испытал в связи со своей религиозной работой некоторые своеобразные трудности и, между прочим, был заключен в тюрьму в результате открытого свидетельства против атеизма, во имя Евангелия Иисуса Христа — и пробыл за тюремной решеткой семь месяцев и десять дней.

Цель моего рассказа не состоит в том, чтобы кого-либо порицать или возбуждать какие-либо политические чувства.

Равно я не хотел бы кого-либо хвалить. — «Хвалящийся, хвались Господом». Я и хочу прославить Его, Царя царствующих и Господа господствующих: Ему дана всякая власть на небе и на земле. Он имеет ключи не только от тюрем, но и от ада и смерти. Его дух позволяет рабам Его не только не подчиняться среде и обстоятельствам, но и господствовать над ними.

Своим рассказом я хотел бы также дать картину из жизни нашего русского религиозного движения и показать, через какие этапы оно проходит.

Я выступаю публично с докладами и лекциями по вопросам этики и религии, в духе Евангелия, уже много лет — еще с тех пор, как в 1904 году, будучи студентом, я

обратился ко Христу и нашел в Нем своего Спасителя и Господа. По окончании историко-филологического факультета С.-Петербургского Университета я стремился проводить свои убеждения на почве педагогики, будучи учителем гимназии (1907—1913).

С 1913 г. я, согласно приглашению П. Н. Николаи, посвятил себя работе в Христианском Студенческом Движении в России и выступал с лекциями соответственного содержания в Университете и других высших учебных заведениях Москвы, Петрограда, Киева, Одессы, Самары — при чем обычно устраивал после этих лекций свободный обмен мнений.

С начала революции моя лекционная деятельность не изменилась в своем содержании и не сократилась в объеме, — наоборот, она еще более возросла вместе с увеличением интереса к вопросам христианства, как среди интеллигенции, так и среди народа вообще.

Эта духовная работа в дни антирелигиозных выступлений естественно привела к различным трудностям. Их то я и хочу описать, попутно касаясь также и крупных событий, имевших значение в духовной жизни России и бывших предметом моих непосредственных переживаний и наблюдений. Рассказ мой неизбежно будет несколько односторонен, ибо я — лишь капля в безмерном русском море. Но тот, у кого острое чутье, по вкусу и запаху капли может составить себе представление о характере безбрежной русской стихии.

СРЕДИ НАРОДА.

Свои лекции я читал не только для студенчества и интеллигенции вообще, но также для рабочих и крестьян.

Работа в деревнях, «хождение в народ», привлекали меня еще со времени студенчества. Уже с 1906 года я ходил в летнее время, а иногда и зимой, во время рождественских каникул, по деревням, фабрикам и заводам в одежде простолюдина в качестве книгоноши св. Писания с кожаной сумкой через плечо. Одним летом я странствовал в течение двадцати дней по берегам Волги (пользуясь бесплатным сквозным билетом О-ва «Кавказ и Меркурий»); я возил за собой на пароходе большой ящик св. книг и, прибыв к известному пункту, оставлял его на пристани — забирая с собой в пешеходное путешествие по окрестным деревням нужное количество экземпляров.

Часто приходилось читать народу из Евангелия, беседовать, отвечать на вопросы. В своем родном селе я устраивал во время каникул такие открытые собрания у плетня: сначала читал и объяснял какой-либо отрывок из св. Писания, затем прочитывал в качестве дополнительной иллюстрации подходящий небольшой рассказ из русской* художественной литературы.

Новая эпоха русской жизни породила множество вопросов в деревне, — а с ними и желание разрешить их в свете Божьей Правды. Когда же в деревню стала прони-

катель атеистическая пропаганда, интерес к религиозным беседам возрос до крайней степени.

Одну из таких религиозных лекций я сейчас опишу.

В начале 1918 года в большом селе Тверской губернии была назначена моя лекция на тему «Евангелие и свобода». Ее основное содержание было посвящено этическим вопросам, вызванным новым строем жизни. — Революция строя и форм требует революции духа. Свобода может привести к анархии и произволу, если она дана человеку, носящему в душе эгоистические навыки и низшие инстинкты. Гражданской свободой может разумно пользоваться лишь человек, нравственно обновленный: он должен иметь новые желания, новые навыки, новые благородные понятия о личности, о собственности, о долге и общественном благе. Только Евангелие раскрывает в совершенном смысле эти возвышенные идеи, и только Христос делает человека способным их осуществлять, возрождая его к новой жизни. —

Таковы были основные тезисы моего доклада.

Лекция должна была сопровождаться музыкальными иллюстрациями, — а именно, пением духовных стихов в художественном исполнении Н., окончившей Московскую Консерваторию. В программу входили также световые картины.

Заблаговременно было сделано объявление в окрестных деревнях. В назначенный день мужички потянулись в село Х. на подводах и пешком. Местом собрания служило просторное помещение (человек на 400) во втором этаже народной чайной. К вечеру, когда стало смеркаться, зал был наполнен. Все стояли вплотную. Но народ все прибывал. Уже была запружена лестница. Народ толпился также внизу. В зал втиснулось, по словам хозяина, человек до тысячи. Передо мной была сплошная масса человеческих голов — стоял пар от духоты, доносился гомон снизу. Следовало допустить в зал лишь половину прибывших слушателей. Мой друг (ныне покойный) Николай Л. стоял внизу, наблюдая за порядком. Человек он

был мало практичный и только радовался в детской простоте тому, как народ валом валит, чтобы послушать слово о Боге. Он только поглаживал свою черную бородку и ласково говорил: «ступайте, родные: всем места хватит».

Собрание было открыто пением. Звонкое, чистое сопрано певицы приковало внимание толпы. Она пела известный духовный стих:

I.

«Стучася у двери твоей Я стою, —
Впусти меня в келью свою.
Я немощен, наг, утомлен и убог,
И труден Мой путь и далек.
Скитаюсь Я по миру, беден и нищ,
Стучуся у многих жилищ.

II.

Кто глас Мой услышит, кто дверь отперет,
К себе кто Меня призовет —
К тому Я войду и того возлюблю,
И вечерю с ним разделю.
Ты слаб, изнемог ты в труде и борьбе —
Я силы прибавлю тебе.

III.

Ты плачешь — последние слезы с очей
Сотру Я рукою Моей.
И буду в печали тебя утешать,
И сяду с тобой вечерять...
Стучася у двери твоей Я стою, —
Впусти Меня в келью свою»...

Потом я начал свою речь. Было очень трудно говорить в этой духоте, в упор к близко стоящим людям, которые все время шевелились, — лучше сказать, качались от натиска прибывающих снизу. Вдруг снизу раздался крик: — «Спасайтесь... в потолке трещина...» В то же

мгновение мы с ужасом видим с эстрады, что каменная печь медленно отклоняется от стены, грозя упасть на головы людей. Она казалась лишь слегка задержанной, как бы повисшей на железной трубе, идущей на чердак. Поднялся невообразимый гвалт; люди в панике теснили друг друга. Некоторым удалось взобраться на окна, и они уже хотели прыгать на улицу.

Никогда не забуду этой картины. Каждое мгновение потолок мог рухнуть (как оказалось потом, 8 железных балок вышли из своих гнезд, и пол выгнулся вниз, образовав нечто вроде корыта). Вся масса человеческих тел вместе с потолком должна была обрушиться на стоящих внизу, да еще печь своим падением усилила бы катастрофу.

«Оттеснитесь к стенам от середины!» скомандовал чей-то решительный голос. (Это, оказалось, был комиссар из соседнего уездного города, человек военный, с привычным самообладанием).

Кое-как образовали внутри проход, и народ стал медленно подвигаться к лестнице.

Крики, визг и плач сменились смехом и прибаутками.

Высокий старик наставительно говорил:

«Если бы на танцы пришли аль на веселье какое непутевое, не собрали бы костей! А тут слово Божие хотели послушать, — вот Бог и помиловал».

Из толпы вносится предложение: «Граждане, идем к отцу Ивану... Пущай ключи от храма даст... Вить, лекция божественного содержания»... Его поддержали многие: «Правильно, товарищ!».

Я сказал: «Лекции с туманными картинами не принято в храме устраивать. Я могу там сказать другое слово, без картин».

— «Просим, просим»... Собрание в храме назначено было в 9 часов утра, на другой день.

Многие остались ночевать в селе.

Утром я произнес в храме перед многочисленными слушателями слово на тему из Евангелия. Местный свя-

щенник был тут же. По окончании слова крестьяне обратились к нему со следующей просьбой: «Так что, батюшка, мы вас просим отслужить благодарственный молебен о спасении жизни... Вчера многие бы живота решились, если бы не милость Господня»...

И священник служил молебен.

Потом просили меня говорить еще раз после обеда из слова Божия, потому что: «люди жаждут, издалека приехавши».

В три часа в том же храме было второе собрание — я опять читал и объяснял отрывок из Библии (из пророка Исаии: «Жаждающие, идите все к водам»).

А вечером состоялась лекция, которую не удалось провести накануне.

Теперь пошли в другую чайную, но в зал (находящийся тоже во втором этаже) впустили по билетам (бесплатным) 400 человек.

Все прошло в строгом порядке, чинно, тихо, торжественно.

Благодарили, просили приезжать еще. Поднесли в подарок большой черный хлеб.

« Николай Николаевич ликовал.

— «За все слава Богу! Но вот как мы теперь рассчитаемся с хозяином, у которого мы дом, так сказать, раздавили?» говорил я озабоченно.

Мой спутник благодушно поглаживал бородку.

— «А ничего ему не надо! Я уже говорил с ним. Он даже рад. Говорит, теперь, по крайней мере, освободят меня от военного постоя, — потому дом, выходит, бракованный. А то уж очень много хлопот с этими солдатами»...

Дом так и остался непочиненным. Он требовал капитальной переделки: нужно было извлечь балки и везти на специальный железо-прокатный завод. Хозяин ограничился домашним ремонтом. Так и стоит эта чайная по сей день, с вогнутым полом, как один из памятников религиозного движения, которое вызвала в русском народе революция.

В этом же селе и еще в другом, соседнем, мы с одним студентом из местных крестьян распространяли среди народа книги св. Писания.

Опишу одно из таких хождений, тем более, что оно сопровождалось несколько загадочными обстоятельствами.

Взяли мы полную кожаную сумку Евангелий и, помолясь, пошли. Это было зимой. Перед нами было типичное русское село Приволжья. Избы с крылечками и резными украшениями были полузанесены снегом. Тихо, не слышно ни звука — только хрустит снег под ногами, да издали доносится собачий лай. Входим в первую избу. Только отворили дверь, как на нас бросилась с страшным лаем огромная собака, оскалив зубы. Я в страхе отскочил, едва успев захлопнуть дверь. «Ну», думаю, «если здесь такие псы, то мы далеко не уйдем». «Миша», говорю я своему другу, «надо сходить домой — захватить палку». Мой друг, спокойно улыбаясь, говорит: «Ну, зачем палку? И так все будет хорошо»... Я несколько подивился его беспечности — но это было, в сущности, самообладание веры.

Пошли в следующую избу. Опять со двора слышится лай, хотя уже менее грозный. Входим. Вдруг, откуда ни возьмись, втирается за нами в калитку с улицы какая-то другая собака — большая, серая. Она начинает играть с дворовым псом и этим отвлекает его внимание.

В третьей избе мы задержались минут двадцать.

Вся семья оказалась дома — и хозяева охотно купили у нас книгу, с интересом беседовали с нами, благоговейно слушали чтение из слова Божия. Выйдя на улицу, мы видим, что наш неожиданный спутник ожидает нас, сидя на снегу.

Тронулись мы, и он за нами.

Так он и не отставал от нас в течение всего пути — а мы посетили изб сорок. И везде, где случалась собака, наш верный попутчик вступал с ней в переговоры.

«Что это за собака?» спросил я Мишу (а он местный житель).

— «Не знаю... И никто ее здесь не знает... Она нам вместо палки послана», отвечает он, смеясь.

Удивительно и то, что когда мы пришли к краю села, закончив свой обход — то, по выходе из последней избы, мы этой собаки больше не видели. Смотрели во все стороны, но ее и след простыл...

Мы вернулись домой, удовлетворенные своим посевом. Крестьяне приветливо принимали нас и покупали Евангелия, которые для многих были новинкой.

Темна наша деревня.

И как жаль, что духовенство так мало пользовалось благоприятной почвой для благовествования!

Впрочем, тут сказывалась природа государственной церкви.

Священник данного села откровенно признавался мне, что он не верит в совершаемую им литургию. «Но, ведь, надо же кормиться!» с кривой усмешкой говорил он. Он даже пытался устроиться в одну из высших школ Москвы и для этого оставил приход. Когда же поступить в школу ему не удалось, он устроился в другом приходе.

Я не знаю его дальнейшей судьбы, но один подобный «служитель культа» в годы революции отказался от религии и стал заниматься антирелигиозной пропагандой: ему ничего не стоило переменить государственную религию на государственный атеизм. Ибо для духовного лица официальной церкви всегда есть опасность считать государство выше религии, а значит, и выше всего.

Этот бывший священник в своем селе говорил: «Граждане, я вас прежде обманывал: никакого Бога нет»... А мужички на это ему и ответили: «Коли ежели ты нас прежде обманывал, так кто ж тебе теперь поверит?»

А как немного надо было усердия, чтобы этот народ вдохновить. Словом Божиим! «Ибо жаждет душа его слова»...

Помню, как я в первый раз очутился на амвоне

церкви, в стихаре. Это было 26 июня 1916 года в этом же селе, в день Тихвинской иконы Божьей Матери (престольный день данного храма).

Перед этим я видел сон. (Сны отражают не только то, что было, но и то, что будет, ибо многое из того, что будет, уже произошло — и оно также может отображаться на светочувствительном, так сказать, экране нашего сознания).

Вижу я, будто стою в церкви, в алтаре. Священник, худой и бледный блондин, кадит и окутывает меня густыми волнами пахучего дыма. Потом надевает на меня голубой стихарь с крестами, шитыми серебром, и говорит: «Помогите мне»...

Так мне снилось. А некоторое время спустя, я оказываюсь в этом, только что упомянутом, селе на берегу Волги.

Был канун престольного праздника. Я со своим другом решил организовать продажу книг св. Писания у входа в церковь — народу ожидалось много, со всех окрестных деревень.

Обратились за разрешением к священнику. Он был как раз в храме. Вдруг он обращается ко мне: «А вы не могли бы завтра сказать проповедь в церкви?» Я даже испугался. — «То-есть, как это? Я никогда не говорил в храме». «Ничего, наденем на вас стихарь... Да вы не бойтесь!.. Евангелие завтра легкое... Вот оно». Он взял книгу с аналоя и открыл место, заложённое лентой: «Вот... Это насчет Марфы и Марии... богородичное. Помогите мне, а то у меня завтра много молебнов...» Он уговорил меня. И я с волнением готовился к своей первой проповеди.

На другой день я стоял в алтаре, одетый в стихарь. И когда священник кадил в алтаре, обращаясь ко мне, — я мгновенно вспомнил сон: все было точно, как тогда во сне — и священник, бледный и худой блондин, и волны кадильного дыма, и голубой стихарь на мне — и даже слова, которые он мне сказал накануне: «Помогите мне...»